*В.А.Тихонов**

КАТЕГОРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ»: ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА

В статье впервые в отечественной философско-методологической литературе осуществляется попытка обосновать категориальный статус понятия «исторический опыт». Сопоставляя содержание указанного социокультурного образования с группой близких по смыслу понятий – «социальная практика», «социальный опыт», «история», автор раскрывает многогранность изучаемого феномена. Особое внимание уделяется раскрытию эвристического потенциала социологического и гносеологического подходов в осмыслении общественно-практического функционирования названного социально-культурного образования.

В отечественной да и в зарубежной философско-методологической литературе не существует пока более или менее однозначного определения понятия «исторический опыт». Пожалуй, главной причиной этого обстоятельства является необычайная многогранность исторического опыта как социокультурного явления, его тесная связь с другими однопорядковыми понятиями, такими, как «история», «социальный опыт», «социальная практика». Так, по словам П. Берглара, «история – традиция (Tradition) – прогресс образуют нерасчленимую тройственную связь, которая будет существовать столь же долго, как и мир времени» [1. S. 13]. Термин «Tradition» в данном контексте включает в себя «исторический опыт». Это вытекает из определения тех обязательств, которые, по мнению Берглара, берет на себя историческая наука: она обязуется дать ответы на политические, правовые, социальные, научные и другие вопросы [Ibid. S. 20]. Об истории как политическом знании и форме политического прогноза говорят и другие немецкие авторы [См., напр.: 2. S. 15-16].

Категория «исторический опыт», таким образом, в полной мере разделяет участь других понятий социального познания, ведущих свое происхождение от конструкций обыденного языка и выражающих многозначность и эмоционально-экспрессивную нагруженность последнего. Термины «исторический опыт», «опыт истории»

* © Тихонов В.А., 2004

Тихонов Владимир Александрович – кафедра социально-гуманитарных наук Самарского государственного архитектурно-строительного университета

широко используются с XIX века во всех основных европейских языках – «Geschichtserfahrung», «L'expérience historique», «historical experience». Несмотря на такое многообразие терминологических обозначений в определении исторического опыта, можно все же выделить несколько ведущих тенденций. Они различаются по охвату его структурных звеньев, включению того иного элемента в смысловое «ядро» содержания, а также по степени качественного развития элементов. При этом большинство авторов делают основной упор на гносеологической, осмыслительной стороне рассматриваемого феномена.

Так, например, В.В. Иванов пишет, что исторический опыт есть мыслительный итог, «кристаллизованная» форма обобщения практики, «синтез общественно-научных знаний о явлении (прогностическом, событии и т.д.), взятом в диалектическом движении и в связи с конкретными условиями его становления» [3. С. 162]. Сходное с этим определение предлагает Н.В. Буянова. По ее мнению, «категория исторический опыт выражает логику исторического процесса, представляя собой синтез исторического и логического, объективного и субъективного, тех закономерностей и необходимых тенденций, которые оказываются за фактической, событийной оболочкой реальности» [4. С. 94].

Как видим, при таком понимании подчеркивается объективная основа исторического опыта, его формирование и развитие на базе предметно-вещественной и общественно-преобразующей деятельности. Обычно здесь же отмечается, что исторический опыт включает в себя не только знания о законах и закономерностях, свойственных историческому процессу, но и знания об оптимальности различных форм и методов решения определенных социальных задач, о способах воздействия на ход истории. [См. напр.: 5. С. 194-201].

Другие авторы, напротив, сужают смысловое ядро данного понятия. Так, В.Г. Панов понимает социально-исторический опыт как «меру познания и практического использования объективных законов». «В опыте, – по мнению автора, – находит свое выражение уровень овладения объективными законами, достигнутый человеческим обществом на определенной ступени его исторического развития» [6. С. 225]. Ряд исследователей (В.П. Иванов, Р.Ф. Абдеев, Л.Г. Николаенко) рассматривают вопрос об историческом опыте в деятельностном контексте. Не отрицая вхождения в содержание социального опыта рефлексивных элементов, они отмечают, что функция опыта, в которой и заключена его специфика, является нерелективной. Ибо он функционирует не в форме понятий, теорий, идей, а в форме навыков, традиций, как «арсенал аккумулированных способностей к последующему эффективному действию», как любая предметно-чувственная деятельность, в которой наблюдается повторяемость или определенная закономерность [См. подр.: 7. С. 138, 143]. В свою очередь, В. Лобода видит в общественном опыте «...посредника между теорией и практикой, отражающего более или менее полно всеобщие связи и события на уровне явлений и логически, а также исторически предшествующего теоретическому познанию и его результату – теории» [См.: 8. С. 54-61].

Указанные разночтения в дефинициях, с нашей точки зрения, не столько вызваны расхождениями в определении сущности феномена, сколько выступают естественным следствием многослойности, многосторонности самого предмета исследования. Ведь в нем в различных отношениях выступают на первый план самые разные свойства такого сложного социокультурного явления, как исторический опыт. С другой стороны, это результат многоплановости изучения самого объекта, который может и должен быть рассмотрен с различных точек зрения. Речь идет, в час-

тности, о так называемом «внешнем» и «внутреннем» рассмотрении исторического опыта как фактора социальной жизни и с точки зрения его внутреннего, структурного содержания. В этой связи представляется непродуктивным путь «сталкивания» существующих определений, а также поиск некоего универсального определения, оправдывающего себя при решении любых исследовательских задач и берущего в качестве исходного какой-либо один признак общественно-исторического опыта или же несколько его характеристик.

Определяемый в каком-то отдельном своем аспекте исторический опыт тем самым понимается либо слишком ограниченно, либо слишком широко. Между тем сложность и многогранность изучаемого явления дают право на многообразие его категориальных характеристик и «срезов», каждый из которых имеет различные функциональные значения. Как раз поэтому применительно к историческому опыту оказываются недостаточными часто используемые в литературе «широкое» и «узкое» определения того или иного понятия, поскольку в каждом из них можно принять различные основания и признаки объекта.

Из приведенного выше набора определений видно, что исторический опыт можно рассматривать в различных аспектах. В *социологическом плане* он характеризуется как сложившийся комплекс факторов (навыки, традиции и т.п.) в жизнедеятельности социума, при *гносеологическом подходе* – позиционируется как определенный вид отражения, мера познания социально-исторической действительности. Вполне естественно, что приобретают свою специфику характеристики данного образования с политической и культурологической точек зрения.

Каждый из этих ракурсов при конкретизации содержания понятия требует, в первую очередь, раскрытия его соотношения с родственными понятиями. Разумеется, при самом общем, *некатегориальном* употреблении понятия это необязательно, и в известной мере им пользуются интуитивно. Но исследования, специально посвященные историческому опыту (например, использованию его различными социальными группами), нуждаются уже в более или менее четких дефинициях.

Последовательное проведение линии на конкретизацию понятия исторического опыта требует выяснения его отношения к понятию общественной практики, принадлежащему, в свою очередь, к числу наименее разработанных категорий. Исходя из общефилософского понимания практики как процесса сознательной целесообразной деятельности людей по преобразованию природы и общества, категории «социально-исторический опыт» и «социальная практика» могут быть признаны в той или иной мере тождественными по содержанию. Но при более конкретном рассмотрении соотношения этих категорий выясняются и известные возможности их «разведения». Так, в ряде работ прослеживаются специфические черты категорий социальной практики и социального опыта. Например, констатируются такие черты социального опыта в сравнении с общественной практикой (а также с исторической реальностью), как *итоговость* (практика же выступает как непосредственная материальная и социально-преобразующая деятельность), *аккумулятивность* и *усвоенность* массами, *прерывность*, *дискретность* (в практике процесс взаимодействия субъекта и объекта непрерывен) [См. подр.: 9. С. 5-16].

Внимание на данные черты обратила еще К.Н.Орлова: «Практические действия не в полном объеме входят в опыт. Во-первых, не все они, а лишь меньшая и наиболее существенная, эффективная их часть становится содержанием опыта, во-вторых, включается не само по себе практическое изменение действительности, а лишь «вытяжка» из него, «экстракт», из которого удалены несущественные элементы и посторонние примеси и который впоследствии может быть легко усвоен сотнями тысяч людей, передан иным поколениям» [10. С. 49].

Указанные выше отличительные черты социально-исторического опыта предполагают, по сути своей, возможность минования теми или иными субъектами исторического действия отдельных ступеней развития, повторяемость элементов практики в содержании опыта в качестве ее исходного начала и результата. Понятие «опыт» обозначает, стало быть, «один из спектров общественной практики, а именно: повторяемость ее элементов» [11. С. 65]. Однако при всей важности включения данной черты в понятие исторического опыта нельзя, разумеется, ею оперировать как единственной в контексте анализа политической жизни общества.

В связи с обсуждением проблемы «практика-опыт» автору представляется рациональным предложенное Г.А. Антиповым выделение объективной стороны опыта, под которой имеется в виду предметно-практическая деятельность людей. Последняя в той или иной степени опирается на повторяемость событий, действий, на определенные закономерности их генезиса и чередования, на особенности их субъективной стороны, т.е. накопления, трансформации, учета уроков социальной практики в общественном сознании на всех этапах его функционирования [См.: 5. С. 200-201].

Подведем некоторые промежуточные итоги: использование категорий практики и опыта в широком историческом смысле как синонимов не должно вести к игнорированию их реальной содержательной специфики и, особенно, их роли в общественно-преобразовательной деятельности общества. Но вместе с тем было бы неправомерным во всех случаях без исключения отрицать частичное совпадение их состава, придавать опыту статус отдельной формы или какого-либо иного образования общественного сознания.

Диалектика соотношений содержания данных понятий определяется спецификой носителя (здесь можно выделить градации от отдельного индивида до партий, классов и национально-этнических общностей), и чем уже период его деятельности, тем больше непосредственно чувственных, нерелективных элементов практики входит в состав социального опыта. Вполне естественно, что в «массиве» опыта отдельного человека первостепенную роль играет его собственный жизненный опыт, т.е. «багаж» чувственно-эмпирических данных, элементов визуального восприятия общественной жизни, формирующийся в процессе непосредственного бытия его носителя. Последний перерабатывает этот индивидуальный эмпирический опыт в том или ином соотношении с косвенным опытом (т.е. знаниями, полученными от иных общественных институтов) в различные знания, правила, теории, политические документы и другие продукты рефлексии.

В плане более строгого использования категории «исторический опыт» и выделения в его различных «массивах» роли элементов чувственного восприятия и рациональной переработки автору представляется целесообразным противопоставление понятий «субъективный опыт» и «опыт поколения». Последнее выражает комплекс существенных закономерностей человеческой истории, который проявляется, в конечном итоге, в суммарных действиях социальных субъектов. Именно поэтому исторический опыт, понимаемый в наиболее обобщенной форме, представляет собой не просто чувственно-предметную, социально-преобразующую деятельность людей или сумму их чувственно визуальных восприятий, переживаний и мысленных операций, а особое общественное явление, которое, хотя и складывается из опытов отдельных индивидов, партий, социальных групп, тем не менее, взятое в целом, обладает по отношению к ним относительной самостоятельностью. Уроки истории, стало быть, не могут быть получены путем анализа единоличных опытов и складываются в результате обобщения совокупной общественной практики.

«Общественный опыт, – как справедливо отмечает В.А. Конев, – это снятая деятельность, ее историческая ипостась, ее иное бытие. Он существует, прежде всего, как совокупность содержательных элементов деятельности» [12. С. 123].

Как правило, в состав исторического опыта включаются и те знания, которые именуются «современным опытом». Нам представляется, что для более конкретного раскрытия роли опыта прошедших исторических эпох и поколений в современности, для определения степени актуальности тех или иных черт социальной практики и теоретической деятельности прошлого в свете требований современного этапа истории общества целесообразно «разведение» данных понятий. А это, в свою очередь, требует выяснения соотношения понятий «история» и «современность», а также родственных им концептов «прошлое» и «настоящее».

Прошлое есть нечто уже осуществившееся, существующее в настоящем в виде качественно преобразованных структурных элементов или реликтовых остатков. «Настоящее» же – это не некая нулевая длительность. Оно характеризуется событиями определенной длительности, конкретными в тех или иных рядах, выражающими состояние перехода возможности в действительность, относительную устойчивость вещей в их «данности». В результате современность предстает не только как результат исторического развития, но и как нечто новое по отношению к нему, содержащее прошлое лишь в диалектически «снятом» виде. В целом же «проблема различия прошлого, настоящего и будущего и определения соответствующих категорий решается, – по справедливому замечанию Я.Ф. Аскина, – в связи с диалектикой возможности и действительности: различие между ними есть различие между осуществившимся, осуществляющимся и еще не осуществившимся; это же обуславливает их органическую взаимосвязь» [13. С. 94]. Вместе с тем всегда следует осознавать внутреннюю противоречивость настоящего как единства постоянства и изменчивости, возможности и действительности, достаточно частую крайнюю «размытость» его хронологических границ, чрезвычайную асинхронность перехода его различных признаков, черт, элементов в уже прошедшие, неактуальные социальные явления.

Именно поэтому «...историческое время, обычно воспринимаемое как непрерывный хронологический ряд, на самом деле должно быть рассматриваемо в виде многих рядов, в каждом из которых существует особая длительность, присущая только данному уровню развития. Иначе говоря, время экономического цикла или время демографического цикла это не то же самое, что длительность политического развития или период существования данной социальной системы» [14. С. 61].

Таким образом, современный опыт вовсе не является просто последней (во временном смысле) частью исторического опыта. Он концентрирует в себе уроки продолжающейся исторической эпохи или отдельных ее этапов и в то же время развивает, корректирует или же вообще отрицает выводы, сформулированные на базе прошлого. Здесь, однако, следует отметить, что развивающаяся общественная практика, конечно, не может удовлетворяться лишь самыми общими принципами демаркации настоящего и прошлого. Она требует обязательного поиска и выдвижения новых критериев, все более глубоко и точно учитывающих специфику текущего времени и его отличия от времени, уже отошедшего в прошлое.

Эта подвижность исторического опыта весьма удачно охарактеризована В. и А. Дюрантами в их совместном труде «Уроки истории»: «Наследие, которое мы можем теперь передать в полной мере, – констатируют ученые, – богаче, чем когда бы то ни было. Оно богаче того, что было у Перикла, поскольку включает и расцвет гречес-

кой культуры, который последовал за ним; богаче того, что было у Леонардо, так как включает и итальянский Ренессанс; богаче наследия Вольтера, потому что охватывает все французское Просвещение и экуменическое движение. И если прогресс реален, несмотря на наше недовольство, то не потому, что мы лучше, здоровее или мудрее детей в прошлом, а лишь потому, что мы родились в период с богатым наследием, на более высоком уровне, где накопленные знания и достижения в области искусств выступают как основа и залог нашего существования. Растет наследие (heritage) и соответственно растет человек» [См.: 15. Р. 101-102].

Итак, путем включения в арсенал общественно значимых уроков своих данных современный опыт может актуализировать уроки исторического прошлого, усиливать к ним внимание общества. Именно поэтому он представляет собой важнейшую часть социального опыта в целом. Чрезвычайно важно, однако, иметь в виду и опасность абсолютизации, утрирования роли современного опыта, если его не коррелировать со всем опытом истории. Рассмотрим это обстоятельство подробнее. Своеобразное игнорирование уроков истории было весьма характерно для правых социалистов, особенно для Э. Бернштейна. Последний постоянно акцентировал свою приверженность именно к опыту, но опыт трактовался им и его преемниками исключительно в редуцированном виде – как опыт только сегодняшнего дня, а не закономерности или уроки всей истории. Идея «сверхценности» настоящего в сравнении с прошлым отчасти имманентно заложена и в самом марксизме, культивирующем революцию как символ настоящего и презиравшем эволюцию как воплощение прошлого. В этом смысле известный бернштейновский принцип «цель – ничто, движение – все» является, по сути, гипертрофированной апологией современности как революционного движения, противоположного эволюционному «покою». По мнению автора, такое отрицание взаимосвязи между опытом истории и опытом текущего момента, забвение того факта, что современный опыт вырастает из старого, неминуемо ведет вообще к пренебрежению ролью исторического опыта.

Подобное бернштейновское отношение к историческому опыту свойственно и такому широко распространенному в современной науке и философии направлению, как презентизм. Сторонники последнего фактически превратили историческую науку в средство манипулирования массами путем конъюнктурного осовременивания прошлого, своего рода «переписывания истории» для каждого поколения, метафизического гипертрофирования различий между определенными этапами исторического развития, фактического отрицания объективности и преемственности исторического знания.

В конце XIX – начале XX вв. получили широкое распространение неокантианские и родственные им оценки применимости научных методов познания прошлого, обобщения его в тех или иных закономерностях, отражающих действительные черты всемирно-исторического процесса. «Нельзя говорить о законах социального развития, – заявлял, к примеру, Г. Зиммель. – Конечно, движения каждого общественного элемента подчиняются естественным законам, но для целого законов нет» [16. С. 13]. Некоторые западные авторы, не отвергая полностью возможности генерализации в историческом познании, стремятся тем не менее подменить само понятие «общий закон» другими, менее определенными категориями. Наиболее полно такая позиция выражена К. Гемпелем: «Мы будем часто использовать термин «гипотеза универсальной формы» или кратко – «универсальная гипотеза» вместо «общий закон»» [17. С. 13].

В еще большей степени увеличилась популярность аналогичных тезисов после второй мировой войны. Так, К. Ясперс пишет, что «если мы понимаем историю

с помощью всеобщих законов, то через это всеобщее мы не имеем никогда саму историю, потому что в своей индивидуальности история всегда только один раз данное» [18. S. 304]. «Куда мы ни посмотрим, – утверждает крупнейший германский историк Т. Шидер, – цель истории покрыта мраком неизвестности, и ответ на вопрос, в каком направлении развивается история, становится для нас все труднее» [19. S. 2].

Такого рода утверждения в конечном счете ведут к отрицанию объективности исторических фактов, к высказываниям, что последние существуют лишь в сознании исследователя, являются только символом прошедших событий, в котором доля объективного содержания, не сводимого к субъективным переживаниям историка, доведена до почти неопределимого минимума. Более сдержанно относящиеся к такому субъективизму философы и историки тем не менее в основном также скептически трактуют возможность реального наличия опыта истории как суммированного, обобщенного массива объективных закономерностей. Они заявляют (к примеру, К. Гемпель, Р. Виттрам), что история может выдавать уроки только из опыта самого наблюдателя, что при описании истории, в выборе ее отдельных сторон и событий руководствуются лишь совпадением с собственным опытом ныне живущих [См.: 20. С. 315].

К релятивизму ведут также историко-методологические установки К. Поппера, который интерпретирует содержание опыта как «коллективный», «верифицированный» набор ощущений, «очищенный» от «метафизических» положений относительно характера законосообразности движения истории в целом [См.: 21. С. 4-6, 15-16]. К. Поппер солидаризируется с известным тезисом Т. Лессинга об истории как придании смысла бессмысленному и выдвигает, в свою очередь, три тезиса, подрывающих возможности научного использования уроков истории: 1) история не имеет смысла (под последним имеется в виду главная направленность, наличие определенных циклов в истории); 2) каждое поколение придает истории свои, удобные ему, смысл и цель; 3) наилучшей, наиболее приемлемой в условиях нашего столетия целью должно быть – в силу огромной роли науки и индивидуализма – содействие развитию открытого общества, плюралистической политической системы [См.: 22. S. 100-116].

При всем этом в современной общественной теории все же раздаются призывы к повышению социальной результативности дисциплин, изучающих прошлое. Выдвигаются требования их введения в качестве неотъемлемого элемента всего познавательного фундамента в сфере политического руководства и общественного управления. Последние должны выстраиваться на основе связи тенденций и ситуаций прошлого с современностью и будущим. Известный политолог З.Бжезинский в свое время рекомендовал руководствоваться в политической деятельности так называемым «чувством истории». Такой же совет содержится в известной статье Т. Шидера. Она специально посвящена опыту обращения к урокам истории видных политических и государственных деятелей XIX и XX вв., а также связи исторического сознания и политического действия [См.: 23. S. 4-35].

Следует отметить, что современная историческая наука пытается преодолеть чисто презентистский подход, стремится выйти из кризисного, «бесполезного» для господствующей элиты состояния. Это достигается путем активного использования структурно-функциональных и количественных методов, растворения в других социальных науках (и, прежде всего, в социологии), широкого внедрения в свою методологию приемов психоанализа, исторической антропологии, сравнительно-исторического анализа и моделирования и, наконец, достижений, сформулированных на базе постструктуралистской и постмодернистской парадигм.

В последние десятилетия XX века на Западе выходили многочисленные исследования, статьи, авторы которых пытались в новом контексте осмыслить проблему поучительности истории, функции исторического знания, его реального участия в выборе политических решений, в совершенствовании самого искусства политики. В этой связи следует особо выделить работы таких исследователей, как Х. Арндт, Ф. Бродель, Д. Бурстин, Дж. Кендрик, Э. Хобсбаум. [См., напр.: 24, 25, 26]. Так, австрийский историк Ф. Фелнер, настаивая на важности оценки современным поколением соответствующих черт исторического прошлого, упрекает исследователей в утрировании значимости и реальных масштабов изменений в современной общественной жизни. По его мнению, это ведет к нерациональному игнорированию пролонгированного действия традиций, стереотипов мышления, сформировавшихся еще в XIX веке [См. подр.: 27]. Германский политический мыслитель Э. Веймар в своей книге «История и политическое образование» приводит множество примеров того, как даже последовательные поклонники идеографизма в исследовательской практике широко производили обобщения определенных тенденций и даже выявляли закономерности в истории [28. S. 62-65].

Однако когда дело доходит до выявления конкретной сути опыта истории, то она интерпретируется в работах всех этих авторов в русле достаточно общеизвестной повторяемости типичных ситуаций. Так, например, Р. Дж. Коллингвуд полагал, что общественные науки способны устанавливать регулярности и повторения поведенческих стандартов, но нет никакой уверенности, что они будут также действовать и в будущем [См.: 20. С. 213]. Еще одна крайность в восприятии исторического опыта заключается в признании существования одних лишь социально-психологических констант, приближающихся к понятию «национального духа», широко применявшегося еще в романтической историографии начала XIX в. Следует признать, что с такой точки зрения также оказывается невозможным эвристически плодотворное объяснение природы социально-исторического творчества общественных групп и логики поворотов исторического процесса.

Библиографический список

1. Berglar P. Geschichte als Tradition Geschichte als Fortschritt. Gras, Wien, Köln, 1984.
2. Bergman J., Steinbach P. Aspekte politologisch orientierter Geschichtswissenschaft // Geschichte als politische Wissenschaft. Stuttgart, 1979.
3. Иванов В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973. 288 с.
4. Буянова Н.В. Исторический опыт и его понимание // Принцип объективности и его роль в социальном познании. Калинин, 1980. С. 89-95.
5. Антипов Г.А. К вопросу об историческом опыте // Проблемы методологии и логики науки. Вып. 5. Томск, 1969. С. 194-201.
6. Панов В.Г. Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976. 256 с.
7. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977. 251 с.
8. Лобода В. К вопросу о роли опыта в процессе подтверждения истинности познания // Вестник Московского университета. Философия. 1978. № 2. С. 54-61.
9. Уваров А.И. Исторический опыт – основа объективности исторического познания // Принцип объективности и его роль в социальном познании. Калинин, 1980. С. 5-16.
10. Орлова К.Н. Проблема революционного опыта в трудах В.И. Ленина // Ученые записки Московского заочного педагогического института. Вып. 32. М., 1971. С. 48-59.

11. Есипчук Н.М. Историческая реальность как предмет познания. Киев, 1978. 143 с.
12. Конев В.А. Культура и общественно-экономическая формация // Методологические проблемы развития науки и культуры. Куйбышев, 1976. С. 118-137.
13. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977. 188 с.
14. Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 51-79.
15. Durant W. & A. The lessons of history. New York, 1968.
16. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Киев, 1909. 223 с.
17. Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 13-26.
18. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1950.
19. Schieder T. Grundfragen der neueren deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift. Bd. 192. 1973. H. 1.
20. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.
21. Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. 185 с.
22. Popper K. Selbstbefreiung durch das Wissen // Sinn der Geschichte. München, 1961.
23. Schieder T. Politisches Handeln aus historischen Bewusstsein // Historische Zeitschrift. Bd. 220. 1975. H. 1. S. 4-35.
24. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
25. Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. 618 с.
26. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы»: Взгляд на Великую французскую революцию через 200 лет; Незавершенная революция: Россия: 1917-1967. М., 1991. 271 с.
27. Fellner F. Geschichte und Gegenwart. Salzburg, 1966.
28. Weimar E. Geschichte und politische Bildung. Wolfenbuttel, 1967.

V.A. Tikhonov

THE CONCEPT OF “HISTORICAL EXPERIENCE”: THE JUSTIFICATION OF STATUS AS CATEGORY

For the first time in Russian philosophical and methodological studies the attempt as made to justify status of concept “historical experience” as category. Comparing this concept with similar notions like “social practice”, “social experience”, “history” the author reveals the complexity of underlying phenomenon. Special emphasis is laid upon the heuristic potential of sociological and epistemological approaches which enables to dissect socio-practical functioning of historical experience.